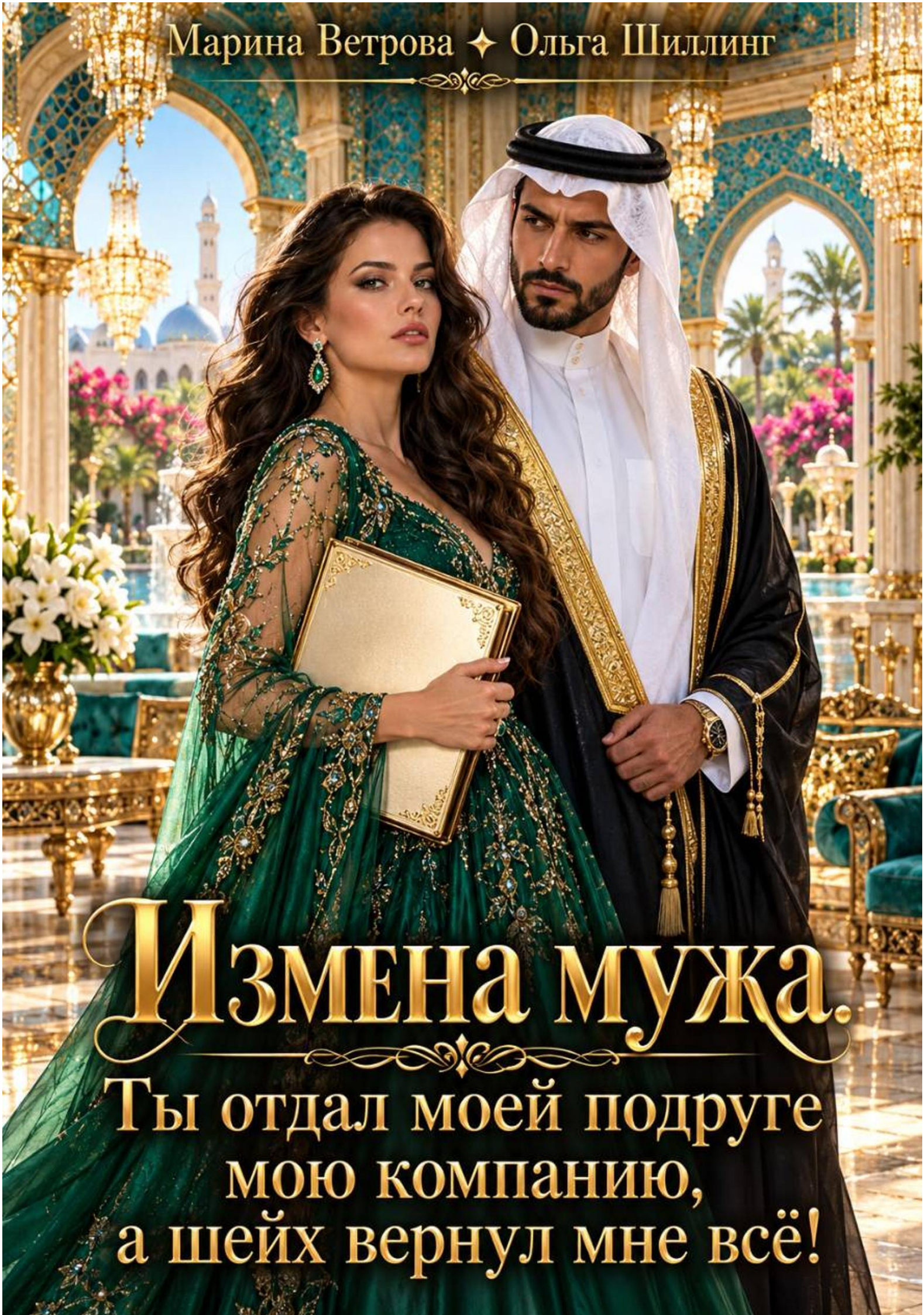

Марина Ветрова ✦ Ольга Шиллинг
Измена мужа.
Ты отдал моей подруге
мою компанию,
а шейх вернул мне всё!

Ольга Шиллинг

Измена мужа. Ты отдал моей подруге мою компанию, а шейх вернул мне всё!

«Автор»
2026

Шиллинг О.

Измена мужа. Ты отдал моей подруге мою компанию, а шейх вернул мне всё! / О. Шиллинг — «Автор», 2026

Я вернулась из больницы раньше срока, мечтая обнять мужа. А попала на праздник, где он представлял мою лучшую подругу своей невестой и новым совладельцем компании.Восемь лет я создавала агентство, а они подделали мою подпись, забрали бизнес, деньги и даже дом.Мама после операции, счета заблокированы, впереди нищета.Но шейх Халид, которому я однажды спасла важное мероприятие, предлагает неожиданную сделку.Мне предстоит доказать, что я не просто женщина за кулисами, а настоящий создатель успеха.Бывший уверен: без него я пропаду.Пусть посмотрит, как я верну своё имя, компанию и сердце.Только шейх уже не собирается отпускать меня из своей жизни.

© Шиллинг О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кольца не её 5
Глава 2. Чемодан и капельница 9
Глава 3. Сделка с шейхом 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Марина Ветрова, Ольга Шиллинг Измена мужа. Ты отдал моей подруге мою компанию, а шейх вернул мне всё!

Глава 1. Кольца не её

Самолёт сел в Манаме на сорок минут раньше — знак: неделя без него, две бессонные ночи на больничном кресле перед поездкой — до вечера не выдержу. С консультации по маминым снимкам вернулась на неделю раньше. Мама оставалась в госпитале Манамы. Хотелось одного — войти в офис, повиснуть на Саньке, уткнуться ему в плечо и повторить: всё, мама на ногах, я дома.

По дороге даже купила коробку фиников в шоколаде — Саня их обожал и всегда ворчал, что гублю ему здоровье.

— Тарасова, ты балующий человек, — ворчал он обычно, набивая рот. — На морковке сижу, диета, а ты мне — финики. Ты мой личный саботаж.

— Твой личный саботаж — это я. — Пододвигала к нему коробку и забирала пустые обёртки. — Остальное приложением идёт.

За компанию, построенную с нуля, тоже отвечали вдвоём — так казалось. «Второй пилот» — название придумалось в ночь нашего первого клиента, когда Саня паниковал, а мне пришлось забрать у него рацию.

— Не боимся, у нас есть второй пилот. Ты встречай гостей, а за кулисами разберёмся.

Остальное было моим. Дома поддевала Саню:

— База моя — восемь лет собирала, телефон за телефоном, контакт за контактом. Нервы мои: площадки срываются, поставщики встают, ведущие в запой уходят. Глаза мои, с красными прожилками. А ты у нас лицо компании. Обаятельный, громкий, душа любой переговорки.

— А ты — двигатель. — Он помогал снять жакет.

Так и делили: он впереди с бокалом, а я за кулисами с рацией.

Корпоратив они назначили на вечер пятницы: все отдыхают, никто не ждёт подвоха. Меня это тоже устраивало. Истинная причина открылась через двадцать минут.

Офис светился на весь этаж. Из окон нового лофта на Бухайре, за который мы брали кредит, лился золотой свет, слышались музыка и смех — слишком много смеха для агентства из одиннадцати человек. Вошла со своим чемоданчиком на колёсиках, с коробкой фиников, с наклейкой аэропорта на рукаве куртки — и остановилась в дверях конференц-зала.

На стене висел баннер. Огромный, новенький, глянцевый. Наш логотип — второй пилот с развёрнутым крылом — но в другой рамке. Под логотипом стояло новое название: «Град и партнёры». Мелким шрифтом, как приписка к чужой жизни: «эксклюзивное событийное направление».

А перед баннером стоял Саня. С Лерой. Под руку. Оба в белом — он в белой рубашке, она в белом платье, которое два месяца назад показывала в ленте с подписью «соблазнила менеджера шоурума, скидка сорок процентов». И на безымянных пальцах у обоих блестели кольца. Одинаковые. Обручальные.

— И за то, чтобы наше агентство наконец стало семьёй в полном смысле! — Саня поднял бокал, дожидаясь аплодисментов. Люди вокруг захлопали. Мой бухгалтер Марина вытирала глаза. Мой менеджер Дима снимал всё на телефон.

Саня повернулся — и увидел меня.

Знаете лицо человека, который рассчитывал ещё на целую неделю? У него на долю секунды проступает ужас — голый, честный, настоящий. А потом на этот ужас натягивается обаяние, как чехол на мебель, и он раскидывает руки:

— Женечка! Солнышко! Ты же должна была в следующую пятницу!

— Консультацию провели раньше. Мама ходит, но остаётся в госпитале. — Говорила спокойно, хотя под курткой взмокла спина. — Решила не откладывать.

Коробку поставила на ближайший стол. Очень аккуратно. Помню, как выравнивала её: пальцы заледенели, сама натянулась струной — дрогну, разорвёт.

— Дорогая, — Лера высвободилась из-под его руки и заслонила кольцо ладонью. Она всегда звала меня «дорогая», лет десять подряд, и это принималось за нежность. — Ты всё неправильно понимаешь. Дай всё объяснить по-человечески.

— Начни с колец. Или с баннера. На выбор. Только говори погромче: у вас тут музыка.

Зал притих. Люди медленно и синхронно искали выход.

— Кольца — это не то, что ты думаешь. — Лера шагнула ко мне и поправила браслеты; они тихо звякнули. — Это формальность. Это для партнёров, для солидности…

— Обручальные кольца для солидности. А что для любви? Бейджи? У меня, кстати, старый ещё в сумке. Его тоже менять?

— Женечка… — Лера потянулась ко мне, собираясь обнять.

Отступила на полшага, ещё не подобрав ответа. От её прикосновения могло вывернуть.

— Ты сидела с моей мамой, Лер. Апельсины ей привозила. Как успевала? Между примерками колец? Или сразу сюда ехала, а браслеты у палаты снимала, чтобы мама не проснулась?

Саня красиво вздохнул, с правильным изломом брови. Страдал он лучше, чем другие живут. Он вынул из папки — из моей папки, с золотым тиснением, привезённой с прошлогодней выставки, — бумагу и протянул мне.

— Тут всё законно, Жен. Договор купли-продажи. Ты продала свою долю. Пятьдесят один процент — мне, сорок девять — Лере. По рыночной цене. Вот твоя подпись.

Взяла лист. Прочла. На месте моей подписи стояла «Е. Тарасова» — наклонная, уверенная, с росчерком. Разглядывала её секунд двадцать, и зал молча смотрел, как чужая подпись перечёркивает мою жизнь.

— Красиво. — Прижала ногтем завиток. — Особенно росчерк. Никогда его не ставлю. В школе заставили подписывать без него, потому что в нём рисовала сердечко. Спроси у Леры. Рассказывала ей, когда мы только подружились. Ещё смеялись, что по сердечку любой меня опознает.

— Женечка, ты чего… — Лера округлила глаза и поджала губы. Глаза у неё вообще были её главным инструментом: большие, карие, влажные от сострадания. — Тебе препараты какие-то дали в больнице? Ты путаешь.

— Мама путает. Она вчера меня по видеосвязи перепутала с медсестрой. Но она хотя бы после операции, в возрасте. А вы просто взяли и переписали мою жизнь. Препараты тут ни при чём.

— Она подписывала электронно, — спокойно объявил Саня. Уже не для меня — для зала. Для свидетелей. — Через систему. Вот, журнал, сетевой адрес, время. Всё зафиксировано.

— Ты готовился. — Затошнило, упёрлась коленом в чемодан, удерживая лист. — Долго. Бумаги, журналы, свидетели. Баннер заказал заранее, кольца купил заранее, тост отрепетировал. Пока я сидела на пластиковой табуретке возле маминой капельницы и считала, хватит ли денег на второй курс химиотерапии, ты репетировал, как красиво страдать.

— Охрана. — Он набрал номер, отступив от стола. — Поднимись в конференц-зал, пожалуйста.

— Ты меня выставляешь из собственного офиса. — Вцепилась в лист и тут же расправила замятый угол. — Здесь моя клиентская база. Восемь лет, Саня. Каждого поставщика вытаскивала, каждую сорванную площадку меняла, пока ты гостей развлекал. Кто завтра выйдет с рацией вместо меня? Лера?

— Из своего, Женечка. Из своего. Документы есть документы. — Он подошёл ближе, понизил голос, и на секунду в нём прорезалось что-то живое, тёплое, старое. — Тебе же лучше. Ты у меня начальственная, вечно на нервах. Отдохнёшь. Тебе потом… что-нибудь придумаю.

— Квартира на тебя. «Для оптимизации налогов», три года назад, сама предложила. Машина на тебя. Счета общие, то есть твои. Мама после операции. Ты всё учёл? — Положила лист в золотую папку и забрала её со стола. — Не надо ничего придумывать. У тебя получится. Вот этого и боюсь.

Пришли охранники. Двое. Вежливые, с квадратными челюстями, они оставили между собой проход — просто встали по бокам, и этого хватило. К выходу пошла сама. Забрала коробку фиников со стола — вдруг понадобилась до боли, до стыда. Саня смотрел на коробку, и что-то в его лице дрогнуло.

У двери обернулась. Лера уже фотографировалась с кольцом у баннера, вытянув руку. Мой зал. Мой баннер. Мой Саня.

— Поздравляю. — Голос дрогнул только тут, на последнем слове; обожгло щёки. Стиснула ручку чемодана. — Второй пилот. Смешное название, да? Рулит теперь совсем другой человек.

Дверь лифта закрылась. В зеркальной стенке стояла женщина с наклейкой аэропорта на рукаве, с коробкой фиников и с лицом ограбленной. И вечер пятницы; ещё через час телефон покажет: счёт заблокирован, доступ к корпоративной почте аннулирован, номер Леры на автомате отвечает короткими гудками.

Ехала вниз двенадцать этажей, прижимая папку локтем, и думала одну-единственную мысль: а ведь вчера приснился сон. Мне переливают чью-то кровь, и спрашиваю — чья это, а мне отвечают: не волнуйся, это всё своё.

Лифт открылся. Из дверей бизнес-центра несло ночным теплом залива. Вышла на улицу, поставила чемоданчик на асфальт и села на него. Прямо на чемодан. Посреди набережной, между пальмами и припаркованными белыми джипами.

Коробку фиников всё-таки открыла. Съела один. Финик был приторный, липкий, чужой. Сидела на своём единственном имуществе и жевала, и где-то на четвёртом финике под рёбрами перестало трястись. Жалеть себя и пугаться сил не осталось. Проступала другая мысль, холодная и спокойная.

Восемь лет строила компанию, которую у меня украли за две недели. Хорошо. Значит, умею строить из нуля.

А сейчас у меня — ноль, до последней цифры.

Вытерла пальцы салфеткой, подняла чемоданчик и пошла в сторону больницы. Мама ждала в палате с чаем в пакетиках, припрятанным от диетсестры. Надо было успеть до отбоя.

По дороге телефон зазвонил. Номер прежде не звонил, но хранился два года, с мероприятия, которое спасала, когда остальные сдались.

«Офис шейха Халида. Приёмная».

Долго смотрела на экран. Потом сунула телефон в карман.

Не сегодня. Сегодня у меня чай с мамой.

Но мысль про номер, про человека, которому однажды не спалось на мероприятии, потому что всё шло вразнос, а какая-то безумная русская женщина в залитом красным вином жакете велела ему: «Ваше высочество, идите отсюда, вас не звала, у меня тут всё под контролем», — легла глубоко, под ребро, как последняя монета в кармане.

Иногда одна монета — это всё, что нужно. Телефон снова завибрировал. Почему Халид звонит сейчас?

Глава 2. Чемодан и капельница

— Ты почему такая помятая? — Мама оторвалась от вязания, сдвинув очки на кончик носа. — Самолёт трясло?

В палате пахло хлоркой и жасмином: он рос под окном госпиталя, сёстры открывали форточку, хотя не полагалось. Мама сидела на кровати, подложив под спину две подушки. Всегда вязала перед выпиской: лежачая болезнь — это долг, а долги надо возвращать носками.

— Немного. — Поцеловала её в макушку, отодвинув чемодан. От волос пахло больничным шампунем и чем-то упрямо-живым. — В отпуске теперь. С проектами не загружена.

— С кем? — Мама придержала петлю.

— С работой, мам. — Присела к ней.

— Ага. — Она вытянула петлю, распрямила нитку зубами. — И с кем работа в отпуске, если твоей карточкой сегодня даже покупку в магазине снизу оплатить не удалось? Продавец вернул карту.

Промолчала. Мама тоже. Только спицы перестали стучать на три секунды — и застучали снова. Мы всегда понимали друг друга без слов; просто раньше это было удобно, а теперь — страшно.

Рассказывать в тот вечер не стала. Развязала пакет с чаем, нашла в тумбочке её любимую кружку — с облупившимся котом, пронесённую через три госпиталя, — и мы пили чай и смотрели на жасмин. Мама держала меня за руку и говорила про соседку по палате, которая храпит, как трактор, и про медбрата, который напоминает ей нашего умершего кота Барсика.

— Только Барсик был вежливее. Этот говорит: «Опять ходили без тапочек?» А кот сам босиком всю жизнь.

Она знала. Матери всегда знают, что случилось, они просто ждут, когда ты сама созреешь.

Созрела к утру.

Когда пришёл бухгалтер больницы с листком на реструктуризацию оплаты, открыла банковское приложение и уставилась в баланс. Ноль и запятая, за которой жалкие гроши.

— Общий счёт пуст. Восемь лет складывала туда свою половину. — Протянула бухгалтеру телефон, перелистнув на сообщение банка. — А квартира в залоге. Вот, напоминают про график платежей. Муж оформил кредит на обоих, под квартиру, переписанную на него. Своей квартиры по документам у меня нет.

— Даже мамино лечение оплачено с общего счёта. С его счёта, получается. Его чай пила, хлеб ела, мама лежит в оплаченной им палате. Красота, правда?

В коридоре села на пластиковую табуретку и засмеялась. Одна, у окна, просто тихо тряслась плечами. Медбрат-Барсик подошёл узнать, всё ли в порядке; показала ему приложение. Он посмотрел, присвистнул и молча принёс воды.

— Бывает и хуже. — Поставил стакан рядом с телефоном. — Потом бывает лучше. У меня статистика, считал.

— Долго считали? — Отпила воды.

— Всю жизнь. — Он поглядел на стакан. — Пока цифр не хватает.

Не все люди — Саньки. Хорошо, что не все.

Вечером пришла Лера.

Вертела мамин клубок, думая, каково это — распустить вещь и связать заново. Лера вошла в палату, позвякивая браслетами, с пакетом из хорошего магазина: виноград, конфеты, пакетик дорогого кофе.

— Дорогая. — Она села, не дожидаясь приглашения, и устроила пакет на тумбочке. Мама, умница, извинилась «за туалет» и вышла. Мама, повторю, всё знала. — Знаю, ты злишься. Имеешь право. Но давай без драм. Саня всё объяснит.

— Угу. На бумаге. — Убрала нитку из-под её пакета.

— На бумаге всё законно, Женечка. — Она взяла виноградину и вертела её в пальцах. — Приехала не спорить. Приехала предложить. Нам нужен человек на направление «корпоратив». Старший менеджер. С твоим-то опытом… Оклад приличный. Премии. И Саня готов списать тебе часть долга за квартиру.

— Долга за квартиру. — Прижала клубок к колену. — Квартиру, которая была наполовину моей, пока вы с ним её не поделили. Предлагаешь мне работать менеджером в собственном бизнесе. И платить из собственных денег. Это красивая арифметика, Лера. Такому в учебниках не учат — такому учатся у людей без позвоночника.

— Женечка, не начинай… — Лера закатила глаза.

— А ты закончила? — Убрала клубок на тумбочку, подальше от пакета. — Давай по порядку. Кольца — когда?

Она моргнула. Этого вопроса не ждала. Прочие ответы были разложены по полочкам, здесь пришлось замолчать.

— Это… неважно. — Лера покатала ягоду между пальцами.

— Когда? — Наклонилась к ней.

— В марте. — Она прикусила губу.

— В марте. — Кивнула. — Мама лежала в ноябре, в декабре, в январе. В феврале звонила тебе из коридора и плакала. Помнишь? Ты говорила: «Держись, дорогая, всё будет хорошо». А в марте вы заказали кольца.

Всмотрелась в неё. Десять лет. Десять лет делили одну примерочную, одну крышу, одну пачку чипсов, одну бутылку дешёвого вина на её разводе и моём. Сидела с её матерью, когда та сломала шейку бедра. Она сидела с моей — в этой самой больнице, приезжала, приносила апельсины, держала маму за руку. И всё это время — или последние два года? или последние полгода? — помогала разбирать мою почту. Что именно она там делала, узнаю позже, и от этого перехватит дыхание сильнее, чем от колец. А пока смотрела на подругу и не могла поверить: человек, с которым делилась последними чипсами, произносит «старший менеджер».

— Лера, ты помнишь, как мы познакомились? — Расправила мамин плед.

— На собеседовании. — Она усмехнулась. — Ты меня завалила, а потом сказала Сане: «Возьмём, у неё наглости больше, чем у нас всех».

— А помнишь, что ты мне сказала через год? Что единственный человек, который никогда тебя не продавал, — это я? — Прижала плед к коленям, сминая только что расправленные складки.

Виноградина в её пальцах лопнула. Сок капнул на платье — тихо, влажно. Она вытерла пальцы платком — моим подарком из Стамбула, шёлковым.

— Так жизнь повернулась. — Она оттёрла пятнышко. Голос стал другим. Нежность пропала, остался расчёт. — Думай про маму. Лежит тут, бедная. Лечиться надо на что-то. Старший менеджер, Женечка. Или тротуар.

— Вон. — Подалась вперёд.

— Что? — Лера нахмурилась.

— Выйди из палаты моей мамы. И из моей жизни. Вход бесплатный, выход — вот эта дверь.

— Ты пожалеешь. — Она скомкала платок. — Не сейчас. Через год, когда будешь стоять в очереди на собеседование к кому-нибудь вроде меня…

— Лера. — Встала, освобождая ей дорогу. — Считаю до трёх. По-настоящему считаю. Раз.

Она усмехнулась — коротко, по-настоящему, впервые за вечер забыв изображать подругу. И ушла, оставив виноград на тумбочке. Мама вернулась, посмотрела на пакет, на

меня, молча вынесла виноград в коридор и отдала медбрату. Барсик-медбрат кивнул с уважением.

— Толковая у тебя дочь. — Он заглянул в пакет и вынул кофе.

— Знаю. — Мама забрала кофе. — Кофе не пейте, это от плохого человека.

Ночью спала на чемодане. Буквально: в коридоре у маминой палаты, напротив кровати, на нём же, под курткой. Спать на чемодане — это, между прочим, целая философия. Встать и уйти трудно: он твой единственный стул. Разложиться тоже негде. Просто сидишь на всей своей жизни, она колется тебе в спину, и ты думаешь.

Думала до трёх ночи. Перебирала, как чётки: кольца. Баннер. Подпись с росчерком, которого никогда не было. Пустой счёт. Квартира в залоге. Лера с виноградом. Подпись. Росчерк. Почта. Подпись…

А в четыре утра пришла она. Та самая мысль, холодная и спокойная, что шевельнулась на набережной между четвёртым и пятым фиником.

Саня украл не только мою фирму. Саня украл контракт.

Мама завозилась под одеялом. Заглянула к ней, переступив через свой чемодан.

— Не спишь? — Она подвинулась на кровати.

— Мам, главный контракт агентства — холдинг шейха Халида. Приёмы, форумы, Королевский сезон на набережной. Он три года держал «Второй пилот» на плаву, давал шестьдесят процентов выручки. «Агентство шейха» — у нас это звучит как титул. И вела всё лично, три года. Каждое мероприятие — от списка гостей до последней чашки кофе.

— Помню, как ты с телефоном спала. — Мама подвинула мне плед. — Что с контрактом?

— Холдинг внёс предоплату. Большую. Приём на жемчужном рынке через шесть недель, открытие фестиваля. А агентства в прежнем виде нет. Теперь «Град и партнёры». Только ни моей головы, ни контактов, ни проверенных подрядчиков у них нет. Как разгребать то, что разгребать нельзя, они тоже не знают.

Мама укрыла мне колени пледом; защипало в носу.

Предоплата повиснет в воздухе. Приём провалится. Холдинг, который живёт репутацией, потеряет лицо. Саня об этом не подумал. Саня вообще много чего упустил — он думал про кольца и тосты.

Вернулась на чемодан в коридор, слушала мамин храп — нет, дыхание, глубокое, живое, — и выпрямлялась. Под курткой согрелась спина; пружина, восемь лет сжимавшаяся по чуть-чуть, распрямлялась.

Саня думал, что украл мою долю. Он не понимал: долю — бумажку — можно украсть. А то, что во мне, — нельзя. С этим можно прийти и предложить сделку.

Утром на мамин вопрос о завтраке пришлось соврать, что уже поела. Забот ей и без меня хватало. Потом умылась в санитарной комнате, причесалась и посмотрела в зеркало на женщину с синяками под глазами.

— Так. Хватит сидеть на чемодане. Идём работать. — Пригладила волосы и застегнула жакет.

Зеркальная женщина смотрела без восторга, но и без паники. Это было уже что-то.

Офис шейха Халида. Приёмная. Номер хранился два года — после мероприятия мне вежливо сказали «спасибо, с вами приятно иметь дело», и сохранила контакт: суеверная привычка беречь важные номера, как талисманы.

Набрала. Пока шли гудки, сформулировала одну фразу. Самую короткую в моей жизни и самую трудную.

— Приёмная дома шейха Халида, доброе утро.

— Доброе. — Отошла к окну. — Меня зовут Женя Тарасова. Хотела бы увидеться с шейхом Халидом по вопросу… — набрала воздуха, упершись в подоконник, — по вопросу его денег, которые не будут отработаны.

В трубке помолчали.

— По вопросу чьих денег, вы сказали?

— Ваших. Простите. Его денег. Тех, что внесены под приём на жемчужном рынке. — Сглотнула. — Меня зовут Женя Тарасова. Он не знает, что звоню. Но он вспомнит имя.

Опять пауза — дольше. Потом сухой голос прервал молчание:

— Оставайтесь на линии. Не кладите трубку, пожалуйста.

Это был приказ; телефон прижала к уху крепче. Внизу шумела набережная, пахло морем и кунжутом из уличной лавки. Упёрлась локтями в подоконник: начиналось что-то большое и, наверное, страшное.

Из динамика донёсся щелчок. Меня с кем-то соединяли.

Глава 3. Сделка с шейхом

Меня приняли через два дня: время назначили, о причине визита не спросили. Встретил водитель — белый джип, кожа, холод, — довёз до холдинга на берегу.

Дворец-холдинг доводилось видеть с моря, с набережной, с самолёта при посадке, а изнутри поражал тишиной: звякнула застёжка сумки, и стало неловко. По светлому мрамору тянулась ковровая дорожка, глушившая шаги. Из решёток кондиционера тянуло прохладой и древесным ароматом. Женщина в сером оформила пропуск — обыкновенный, бумажный, с чужим именем «гостья, 11:30» — и повела меня по коридору, где на стенах висели фотографии дома: приёмы, стройки, корабли, и каждое лицо на них занимало положенное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.